

КУЛЬТУРА . — 1993. — Июнь. — С. 12.

Последняя страница

В нашей гостинице

«...Я хочу волноваться! Я выдумываю эти спектакли, зубами и ногтями цепляюсь в эту игру. Меня отправляют на покой, а мне не нужен покой! Я волноваться хочу! Хочу, чтобы меня понимали!»
 Требовательно и одержимо звучат слова Сары Бернар. В роли великой актрисы в спектакле Театра имени Вл. Маяковского «Смех Лангусты» по пьесе Дж. Маррела — Светлана Немоляева. Актриса играет актрису, создает еще одну театральную легенду. Театр — всегда таинство, овеянное легендами, разгадать его до конца невозможно, да, наверное, и не нужно. В загадочности театра — его вечная сила и притягательность. А главная загадка и тайна — Актер.

Светлана
Немоляева:

У КАЖДОГО ПОКОЛЕНИЯ СВОИ ДЕВОЧКИ

— Светлана Владимировна, с детства вашим кумиром была Мария Ивановна Бабанова...

— Да, да, и по сей день им остаюсь. Я видела ее в «Тане», в «Собаке на сене», правда, когда я пришла в театр, она уже этих ролей не играла.

— Вы встречались с ней в работе?

— На сцене видела ее только, когда играла в массовках.

— А с Офелией она вам не помогала?

— Нет. Для нее эта роль была слишком большой травмой: она сыграла Офелию только три раза, и ее сняли с роли, ей тогда было пятьдесят четыре года. А как она играла! Особенно сцену, когда Офелия говорит отцу, что Гамлет сошел с ума. Бабанова сыграла так, что Охлопков на репетиции встал, прошел в полной тишине к сцене, поцеловал ей руку и в такой же тишине вернулся обратно.

У меня были проблемы с Офелией, казалось, что все ужасно. Играла с четырех репетиций, плакала все время. К Бабановой трудно было по-

пасть, только через месяц после своей просьбы я пришла к ней. Разговор был короткий, но прекрасный. Я сказала, что обожаю ее, и заревела. А она говорит: «Верю, девочка, верю».

— Когда вы встретились с Бабановой, что-нибудь изменилось в вашем отношении к ней?

— У меня хватило ума ее не развенчать. Конечно, когда я с ней встретилась, она была уже другой, не было тех ролей, в которых она блистала. Мне кажется, Бабанова не смогла перейти возрастного рубежа, и ее существо кончилось, когда она перестала играть Таню, Ларису, Джульетту. По-моему, она не обладала характерностью. Комедийностью — да, а характерностью — нет, и в этом была ее трагедия. И все равно Бабанова — кумир! Когда потом роль Тани играла другая актриса, я была просто оскорблена, бросила программку и ушла.

— Светлана Владимировна, вы сыграли на сцене двух актрис! Негину и Сару Бернар. Характеры, конечно, разные, но,

наверное, можно провести между ними параллели, найти общее.

— Конечно, у всех одно и то же, ради театра готовы на все. Негина покинула любимого, пожертвовала честью. Сара Бернар мужа не стала лечить от наркомании и себя принесла в жертву театру. Все актерские судьбы похожи: просто кому-то больше улыбнется судьба, кому-то — меньше, но отними сцену — и страдания будут одинаковыми.

— А награда! Увы, далеко не всегда зрители тактичны и внимательны. Бывает, что вы обижаетесь, сердитесь на них?

— Нет, надо быть умным артистом и понимать, что публика всегда права. Если что-то не так, значит, сама виновата.

— Я все-таки не думаю, что публика всегда права. И, наверное, очень важно умение отключаться от того, что мешает.

— В «Трамвае «Желание», например, мне мешал смех в зале. Вначале нервы стали сдавать, я говорила, что не выйду на сцену, пусть меня лучше

уволят, а сейчас научилась отключаться от этого смехового фона.

— Вы как-то сказали, что роль Бланш Дюбуа считаете своим настоящим рождением в театре. Но путь к этой победе начался много раньше. Каждому человеку порой хочется вернуться в годы своего детства, вспомнить о близких... Вы из кинематографической семьи, в вашем доме бывали знаменитые люди.

— Да, в наш дом приходили Целиковская и Жаров, Пудовкин, Карандаш со своими собачками. Правда, для меня тогда это были дяди и тети, которых я хватала за колени. Маленькая была, и воспоминания детские. Мой папа — кинорежиссер, учился у Пудовкина. Но началась война. Отец был оптимистом, юмористом. В семье на первом плане всегда были духовные интересы, хотя холодно было и еды не хватало. Интересно, что самого холода я не помню, помню только, что большая комната была закрыта, значит, было холодно. Если же говорить о том, что повлияло на мою

судьбу, то это, конечно, кино. Все детство связано с ним. Мы с братом — он сейчас кинооператор — совсем маленькими снимались в массовых сценах.

— Но избрали театр. Вы поступали сразу во все театральные вузы, как обычно делают, или именно в школу Малого театра, хотя, если я не ошибаюсь, вы очень любили МХАТ!

— Очень любила и уже поступала туда. Но когда на третьем туре нужно было выбирать, куда сдавать документы, я выбрала Малый, узнав, что курс набирает Л. А. Волков. О нем ходили легенды. И я никогда не жалела о своем выборе. Хвалили меня или ругали, самым главным оставалось слово Волкова. Он был сложный человек и твердый. Не пустил в спектакль к Равенских и в кино не разрешил сниматься. Ослушаться его, конечно, никто не смел. Леонид Андреевич был авторитет на курсе. Вместе с ним преподавал Виктор Иванович Коршунов, который относился к нам очень нежно, по-товарищески. Курс у нас был дружный, да что там говорить, золотые времена — студенчество. И атмосфера в училище была удивительная, и отношение к театру — возвышенное, одухотворенное.

— Что оказалось самым трудным в училище, что мешало, с чем в себе приходилось бороться и что было самым радостным?

— Очень трудно было играть драматические роли...

— Интересно сегодня это слышать...

ной. Занавес закрылся, а я осталась перед ним и металась под хохот зала. Меня выгнали из массовки.

— Бывает. Ермолову тоже когда-то из пажей выгоняли...

— Вот видите! Почти повторила Ермолову.

— Актерская профессия мимолетна, сиюминутна, в этом ее очарование и печальная неуловимость. После того, как спектакль сошел со сцены, остаются воспоминания, которые всегда очень субъективны, еще фотографии, их память, пожалуй, более объективна. На ранних ваших фотографиях — милые девочки в кудряшках, с косичками. Были они похожи на вас тогдашнюю, и как вы сейчас к ним относитесь?

— Конечно, я играла поначалу себя, мастерства-то не было еще никакого, одна безумная любовь к сцене. А те девочки... сейчас, наверное, таких нет.

— А хочется, чтобы были!

— Не знаю, у каждого поколения свои девочки, у каждой эпохи есть что-то свое, неповторимое. Вот Булгаков, например, очень любил старый театр: купидоны, дивы на занавесе. В старом театре было что-то...

— Своя прелесть...

— Да, правда ведь, своя прелесть! И эти девочки с косичками, не знавшие, что такое сигарета, капроновые чулки, помада, с мальчиками знакомившиеся после десятого класса... Было в них что-то, чего сейчас нет.

— Сегодня, по-моему, ощущается ностальгия по романтике. Этим, наверное, объясняется и тяга к пятидесятым — шестидесятым годам. Вы начинали в театре именно в это время, отмеченное удивительным взлетом в разных сферах искусства: «Современники» и Таганка, Ефтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава...

— Да, мы пели Окуджаву. Дружили. В театр я пришла в пятьдесят девятом. Это действительно времена высочайшей духовности. Никакого значения не имели тряпки, деньги, по крайней мере такого, как сейчас. Мы с подружкой Олей жили на разных концах Москвы. И вы знаете, после репетиций, спектаклей сначала она меня провожала, а потом я ее, не могли наговориться! Люди того нашего круга сейчас знамениты, а тогда они были просто интересные, одаренные ребята: Дмитрий Урнов, Гена Шпаликов, Вася Ливанов, Геннадий Гладков. Почти ни у кого не было своих квартир, жили в коммуналках. У брата Коли был свой вгиковский круг. Телевизор не так заполнял жизнь. Романтизм был, романтика. Все время хотелось пойти к кому-то, хотелось человеческого общения, и оно было.

— Сегодня иное время, иной театр, и зритель иной. Чего вы ждете от него, Светлана Владимировна?

— Жду понимания...

Беседу вела
Марина ГАЕВСКАЯ.